

Певуца

1. Профессор

Степан Иванович, профессор медицины, работавший в Первой Градской больнице Москвы, потерял жену. Смерть настигла ее на улице под колесами пролетки, в которой ехала разухабистая компания пьяных матросов. Шел лихой 1917-й год и спросить было совершенно не с кого.

Профессор был уже немолод, и с уходом жены его жизнь тоже как будто закончилась. Он глубоко затосковал, впал в депрессию и теперь появлялся на работе небритым и опустившимся. Профессорскую просторную квартиру давно отобрали, Степану Ивановичу досталась в ней лишь самая большая комната. Теперь рядом жили посторонние люди, которых он не знал и знать не хотел.

Однажды вечером к нему постучали. Он вострепнулся — стук мог предвещать что угодно, вплоть до ареста. Вошла дородная девица.

— Здравсте, пришла вот вас подкормить маленько. Я сегодня по случаю сальцем разжилась. А вы, смотрю, совсем пропадаете. Ну что ж теперь плакать, жена умерла, а вам-то жить еще надо, — проговорила соседка. — Настей меня зовут, а вас, слышала, Степаном Ивановичем кличут.

Профессор смутился.

— Да, спасибо, Настя. Но мне ничего не нужно.

— Вижу я, как не нужно. Ешьте уж, я и хлебца кусочек выкроила для вас да вот стакан кипятка с листом смородиновым принесла, — говорила девица, настойчиво протягивая стакан с чаем и бутерброд.

Степан Иванович при виде кусочка розоватого сала и ароматного чая словно проснулся. Краснея, взглянул в лицо девушки. Трясущимися руками принял щедрый подарок.

Девица жалостно и с сочувствием вздохнула и ушла.

Потом она стала приходиться как к себе домой, не спрашивая, брала стирать рубашки, полотенца, постельное белье. Профессор ужасно смущался и даже пробовал отбирать вещи, но упрямая девица стояла на своем: «Не трудно мне, а вы все ж вон какой человек, не чета нам». И как ни странно,

эта постоянная женская забота помогла Степану Ивановичу отогреть душу. Теперь ему было не так страшно идти с работы домой, порой казалось, что дома его ждет жена, тихий разговор и нежный сон вдвоем. Он думал о своей ушедшей в иной мир жене, но скоро нежный сон окажется совсем не с ней.

В промозглый декабрьский вечер он промочил ноги и заболел. Мучила температура и кашель, к тому же в квартире было очень холодно, не согревала и постель. Вот в такую стылую ночь к нему под бочок и юркнула молодая соседка.

— Ты спи, спи, Степан Иванович, я тебя только погрею, мож выздоровишь быстрей, — прошептала тихонько певица. А сама прижималась своим пышным телом, на котором и была-то только тоненькая рубашонка на ляпочках. Елозила, грела, обнимала, а сама уж нащупывала, где там естество его мужское. Хоть и слаб был профессор, а природа взяла свое. Где было устоять против жаркого молодого тела. Притянул ее к себе, сколько сил хватило, захлебнулся от запаха груди и женской плоти и потонул до конца дней своих в бездонном озере Настиных прелестей.

Проснулся профессор совершенно здоровым и, как ему показалось, помолодевшим лет на двадцать, не меньше. Он вспоминал сладкую ночь, мысленно просил прощения у своей ушедшей Ниночки. Оправдывал себя тем, что у них с женой такого горячего рая в постели не было никогда даже в молодые годы. Ниночка-курсистка воспитывалась в интеллигентной семье со строгими нравами, соответственно, и в постели все было благочинно, и только. Даже дети почему-то не получились.

Теперь Степан Иванович с замиранием сердца ждал каждую ночь, когда скрипнет соседская дверь и войдет его пушистое счастье, так он теперь называл Настю. Женщина оказалась ненасытной в постели, горела сама и не давала продыха кавалеру. Мужчина был счастлив. Он уже не так часто горевал по своей бывшей жизни, его не волновала революция и хаос в стране, он жил лишь в ожидании ночи.

Профессор в молодости имел редкой красоты голос. Ему прочили большое певческое будущее, и он долго сомневался,

какую дорогу выбрать, куда пойти учиться. По настоянию родителей все же пошел по стопам отца — известнейшего хирурга. Пение отошло на задний план. Но его часто приглашали в гости, в музыкальные салоны, где он пел романсы и оперные арии. Успех имел оглушительный, его имя было у всех на слуху.

С наступлением революционной ситуации в стране музицирование прекратилось. Теперь же его душа ожила и снова просила петь. Он постоянно напевал что-то, а когда в квартире никого не было, пел во всю мощь, выражая в пении будоражившие его эмоции.

Через месяц Настя пришла с вестью о беременности. Степан Иванович обрадовался до дрожи и даже опустил ся на колени, чтобы поцеловать ее руки.

— Ну вот еще чего придумал, встань. Давай-ка лучше распишемся, а то вон немолодой уже, не дай бог что, так мне хоть комната твоя достанется, — предложила женщина.

— Да, да, конечно, завтра же и пойдем. Я так счастлив, — отвечал профессор, не слыша слов про квартиру, лишь воображая, как он будет качать на руках своего долгожданного ребенка.

Так и обрел Степан Иванович самым неожиданным образом новую семью. Настя, приехавшая из голодной деревни, удачно приглянулась красноармейскому командиру. Тот и подсуетился, чтобы ей выделили комнатку в одной из бывших господских квартир, в надежде на регулярные ее посещения. Однако время было смутное и погиб кавалер в тот же день, как подруга его въехала на законную площадь. Следовательно, надо было Насте подыскивать другую выгодную партию. Далеко ходить и не пришлось. В соседях оказался еще ничего себе мужичок, вдовец свеженький. Надо было брать. Она и взяла.

Тут же объявила остальным жильцам, что теперь она тут главная хозяйка, потому как у них с мужем две комнаты. Разворошила его шкафы и занялась переделкой нарядов, оставшихся от Ниночки. Размер-то был не тот, из одного платяшка только кофточку и умудрялась выкроить. Правду

сказать, делать умела многое, работы не боялась и без дела никогда не сидела.

Так вот и зажили. Беременность переносила легко, без всякой тошноты. Даже на работу напросилась к мужу в больницу, временно, пока сможет. Конечно, она не собиралась мыть полы и судна выносить, просто хотелось быть на людях, да и деньги не лишние. Легко сказать, где ж такую работу найти практически в военное время. Но так же легко, как ей удавалось все остальное, нашлась и должность: тяжело заболела кастелянша, и теперь Настя заведовала всеми постельными принадлежностями. Вот повезло, можно было что-то списать, утащить домой, перепродать. Не жизнь, а малина! Муж, естественно, о ее тайных проворствах не догадывался и жил, как и раньше, с чистой совестью.

Ровно в срок родилась толстенькая девочка, точная копия матери, назвали Лизочкой. Степан Иванович души в ней не чаял и любую свободную минутку носился с ней как с писаной торбой. Однако жить между собой молодые стали все хуже и хуже. Настя презирала мужа за его бесконечные сюсюкания с ней и младенцем. Желала твердой мужниной руки, может, даже ссоры иногда или привычного кулака, как бывало в их семье. Она отдалялась все больше, спать и ласкаться уже не хотела никак. Профессор не обижался, списывал все на послеродовую депрессию, не досаждал, ждал восстановления прежнего жития.

Но прошел и год, и два, все становилось только хуже. Настя повзрослела, набралась столичного хамства, царившего в разрушенной Москве, и о профессора только что ноги не вытирала. Когда же дочке исполнилось четыре годика, непутевая жена пропала с горизонта вместе с ней, оставив свои московские хоромы законному владельцу. Схлестнулась с бойким шоферюгой, который позвал ее в сытую Сибирь на свою родину. Мол, там не пропадем, и ребенка твоего буду считать своим, не бойся. Не устояла перед жаркими объятиями. И ведь встречаться-то с любовником не стеснялась в профессорской постели, когда тот уходил на дежурство. Соседка видела все это охальство, да сказать

боялась, жалко было интеллигента, помрет еще, чего доброго. А он и помер. Не смог вынести предательства своего пушистого счастья и потери единственной ненаглядной доченьки. Принес спирта медицинского, закрылся в комнате и пил, пока не остановилось сердце.

2. Луза

Привез новый муж молодую жену в Алтайский край. Стали жить в бабкином доме в селе Тальменка. Места тут были красивые, земля богата урожаями и людьми с открытыми сердцами. Жили-поживали уже пять лет, все было ладно да складно, понимали друг друга, жили, как все живут. Настя по хозяйству управлялась, ребенок да скотина, везде успеть надо. Федор работал шофером, возил грузы по Чуйскому тракту и всегда бахвалился, что он не хуже Кольки Снегирева из знаменитой песни может пройти через любой перевал, не сбавляя скорости. Однажды взял в рейс и Настю. Столько та натерпелась ужаса, пока ехали меж горных хребтов через перевалы. Отводила душу, любуясь красотой рек и гор. Но еще бы раз поехать не согласилась ни за какие коврижки. Стала больше жалеть мужа, понимая, что он ходит рядом со смертью каждый день. Чуть зазеваешься и улетишь в пропасть. Чего боишься, то ведь и случается. Устал, наверно, Федор, недоглядел. Ушла машина с тракта и сгнула вмиг. Осталась Настя без мужа. Сильно горевала, запал ей Федор в душу на веки вечные. Стала и к рюмочке прикладываться, озлобилась на весь белый свет. В подпитии и дочку лупила — профессорское отродье проклятое. Не родился у них с Феденькой ребенок, не дал Господь. А уж так молили, просили. Видно, Там судьбу ее заранее знали, не хотели еще одну сироту плодить.

Жить как-то надо было. Самогонку потихоньку гнала, продавала или на продукты меняла. Первачок пробовала всегда сама. Если особо удавался, пила много, потом тянуло

на подвиги. В состоянии подпития рвалась идти куда-то. Останавливал громкий рев дочери. Если дело было зимой, девочка цеплялась мертвой хваткой за материн подол и редела так, что было слышно на улице. Большенькая уже была, беды боялась. Мать в таких случаях хватала что попадая под руку и лупила дочку. Лиза не сопротивлялась, лишь бы мать осталась дома. Кончалось все обычно тем, что они сидели рядком на полу и ревели в два голоса.

Но однажды в февральский буран, придя из школы, Лиза увидела двери дома открытыми, сенки, занесенные снегом, и пустые комнаты. Матери не было. Ее нашли, лишь когда начал таять снег. Видно, спутала поворот и ушла за деревню, там и замерзла. Ненадолго пережила своего Феденьку, только годочек и подождал.

Девочку отвезли в Барнаульский детский дом. Лизочка и так росла не в большой любви. Отчим, правда, жалел всегда и заступался перед матерью. Та же лаской не баловала. А родного отца девочка помнила совсем смутно, только песенку и мурлыкала, что он ей всегда на ночь пел. Да еще усы его помнила, что щекотали щечки, когда он целовал ее. Теперь осталась одна-одинешенька на всем белом свете. Характер имела тихий, в отца пошла. Детский дом для нее стал черным нескончаемым ужасом длиною в шесть лет. Голод и разруха в стране отражались, как в зеркале, и здесь. Не хватало обуви и одежды, не говоря уже о простынях и наволочках. Зимой воспитанников редко выпускали на улицу из-за нехватки теплых вещей. Больные дети, даже с инфекционными болезнями, спали рядом со здоровыми, изолировать их было некуда. Лиза боялась мальчишек до онемения. Ростом и пышностью удалась в мать и в 12 лет уже выглядела настоящей девушкой. Пацаны подстерегали ее за каждым углом, старались дотронуться до груди, а то и ущипнуть. Научилась драться, потому что терпеть уже не было сил. Била со всей силы портфелем по голове, если не помогало — в пах коленом. Потихоньку завоевала уважение, они повзрослели, она выстояла.

Еще хуже приходилось парнишкам. Их с самого мальства заставляли драться. Ставили стенка на стенку, и биться нужно

было не только до крови, но до сломанных рук и ребер. Хочешь ты этого или не хочешь. Старшие издевались над маленькими, защиты не было ни от кого. Однажды появился мужчина-воспитатель, и взгляды многих мальчишек стали тоскующими и затравленными, а потом случилось самоубийство. Изнасилованные дети не знали, как с этим жить дальше, и уходили на другой свет сами. А воспитатель пропал так же неожиданно, как и появился.

После детского дома было две дороги для его питомцев — в ремесленные училища либо просто на улицу. ПТУ их тогда еще называли. Там молодежь получала профессию, в которой всегда была необходимость, и за кусок хлеба бояться было не нужно. Детдомовские выходили в мир, который они совсем не знали. Они были изгоями для общества. Мальчишки не думали об учебе, им никто не втолковывал это в голову в детском доме. Наоборот, частенько приходили уголовные беззубые дядьки и, смачно матерясь, рассказывали, как им хорошо живется — что на воле, что в лагере. Воспитателями работали обычно женщины предпенсионного возраста, которым ничего не было нужно, лишь заработать на жизнь. Они не любили несчастных детей, попавших сюда по разным причинам. У каждой из них были свои проблемы дома. Мальчишек за непослушание регулярно увозили в психушку, где кололи им сильные психотропные лекарства. Для усмирения и устрашения, чтоб не задирались очень. Что же могло получиться потом из этого маленького человека? Обычно ничего и не получалось. Пацанов ждала прямая дорога в тюрьму, а девочки тут же оказывались беременными, как только покидали ворота этого страшного заведения с таким хорошим названием «Детский дом».

Лиза поступила в профтехучилище сразу после окончания семилетки. Мечтала получить сытую профессию повара-кондитера. Жила в женском общежитии: старом, полуразвалившемся двухэтажном здании. Тут покоя было больше и страхов меньше.

Буквально с первых же дней учебы на нее обратил внимание самый хулиганистый паренек из группы слесарей-ремонтников Витек Ухарев. Тоже детдомовский, только

из Новосибирска. Бабулька родная поздно вато взялась за воспитание, позвала к себе жить, надеялась: под старость будет кому о ней заботиться. А о том, что мальчишку мать родная, дочка ее, бросила в три года и совсем забыла, не думала вспоминать. Витек не сопротивлялся, хотелось попробовать пожить домашним ребенком. Получалось плохо, лучше сказать, не получалось никак. Курил, матерился на чем свет стоит и бабуку посылал на все слова, которые на заборах пишут. Бабка кляла себя за дурь, что взбрела ей в башку приголубить выросшего внука, но жаловаться было некуда, да особо и не на что.

Витек заметил румяную пухленькую девушку сразу. Предупредил пацанов, чтоб не лезли к ней, иначе голову оторвет. Лиза удивлялась и страшно радовалась, что ее сверстники обходят стороной. А уж когда подкатил Витек после занятий и все популярно объяснил, Лиза загордилась. Никогда и никто не оказывал ей такого внимания.

Ухажеру исполнилось уже 16 лет, гормоны гуляли вовсю и требовали выхода.

Девушка тоже была готова, будто спелый плод. Что должно было случиться, то и случилось. Прямо в классе. На годовщину Октябрьской революции все училище собралось в актовом зале — большой комнате, приспособленной под собрания, а влюбленная парочка заперлась в мастерской. Витек неистово тискал Лизину большую грудь, она не сопротивлялась, отдаваясь неведомому блаженству. Он еще и целоваться-то не умел толком, так, тыкался везде, чмокал, что попадалось на пути. Ухватил за ягодицы и даже задохнулся — ох, жаркая девка! Задрал платье, рванул трусы, трясущимися, как в лихорадке, руками расстегнул свои штаны, освободив торчащий ствол, и вошел в царство наслаждений. Девичья вседозволенность распалила его все больше, и он никак не мог оторваться от запретного ранее местечка.

Потом они искали возможность уединиться каждый день, и частенько это удавалось. Иногда он просил дружка постоять на шухере, тогда им с Лизой хватало и пяти минут, чтобы вгрызться друг в друга и испытать изнеможение.

Однако последствия не заставили себя долго ждать, и в начале декабря стало понятно, что девушка беременна. Это прозвучало громом среди ясного неба. Лиза была совсем не готова к жизни вне стен детского дома. А тут ребенок, зачем он ей? Она сообщила сию новость Витьку, который тоже пришел в уныние.

— Лизок, поищи какую-нибудь бабку, пусть поможет тебе. Куда нам детей.

— А я и ничего, сама знаю, что не нужен он нам сейчас. Только где я буду такую бабку искать, я на свободе, можно сказать, всего три месяца, город чужой, — расстраивалась Лиза.

— Лизка! Вот я дурак, моя же родная бабка и пусть поможет. Прижму ее, куда ей деваться, — обрадовался найденному решению Витек.

И в тот же вечер рассказал своей бабушке о случившемся. Расписал картину в красках и цветах: мол, родим и тебе подкинем, будешь воспитывать, раз не захотела меня растить. Это наказание такое господне.

Бабка пришла в ужасное смятение. Перспектива на старости лет остаться с грудным ребенком на руках ее никак не прельщала. Хорошенько поразмыслив, она вспомнила, что у одной ее знакомой дочка работает в роддоме. Даром, конечно, делать не согласится, за это статья тюремная имеется. Значит, надо задобрить, придется бирюзовые сережки отдать. «Эх, сколько лет прятала, дура старая, даже дочке никогда не показывала. Знала, что пропьет она. А теперь, вишь, ни за что ни про что такой красоты придется лишиться. Наверно, правда кара мне господня пришла. Ничего, и без сережек проживу», — подумала тогда бабка.

Она скоренько собралась и тем же темным вечером побежала к знакомой. Пошептались, показала серьги. Знакомая помялась, но глаза на украшение загорелись. Значит, не впервой ее о такой помощи просили. На следующий день встретились, обговорили, что да как, и сережки перешли в другие руки.

Договорились на субботу у Витькиной бабки, чтобы, не дай бог, никто лишний не узнал. Пришла Лиза, бледная

да трясущаяся, а сам Витек ушел из дома от греха подальше. Все прошло вроде хорошо. Лиза отлеживалась весь день, а вечером ушла в общежитие.

После этого парочка стала более осторожной, чтобы не повторился тот тяжелый случай.

А в новогоднюю ночь, перепив самогонки, Витек пырнул ножом мужика, некстати подвернувшегося в драке, и загремел в тюрьму.

В один день жизнь Лизы круто ушла под откос. Теперь она снова была одна на всем свете. Девушка не хотела сдаваться и решила дожидаться дружка во что бы то ни стало. Раз в полгода она ездила к нему в тюрьму, передавала продукты, какие только могла собрать, махорку и письма, которые писала часто, но не отправляла, а складывала, потому что не надеялась на их доставку.

Свиданий наедине не давали, только через решетку. Витек возмужал, покрепчал и притягивал к себе еще сильнее, чем прежде. Ему не сиделось тихо и там, за очередной проступок добавили срок. Лиза плакала и мучилась, но о другом кавалере и думать не хотела.

Она работала в городской столовой, всегда была сытой, подруг не имела, на работе слыла угрюмой тихушницей. Жить ей это не мешало.

Когда забрали Витька, Лиза стала ходить к его бабке. Это был единственный человек, с кем девушку связывали хоть какие-то родственные нити. Бабка же, опять почуяв наживу, позвала жить к себе на квартиру. Знала, что молодка сумеет вынести кусочек из своей столовой, жить легче будет, да и веселее вдвоем-то. Видела, что девка вроде ничего, тихая. Так бабулька и денежку брала за комнату, и голодной не бывала.

Перед самой войной разрешили Лизе, наконец, свидание наедине. Счастливая собиралась, не ходила — летала просто. Да и сроку дружку уж немного оставалось, всего два годика, больше ждала.

Как встретились, как любили друг друга жарко, знает лишь кушетка тюремная. Налюбоваться не могли. А потом опять очередная новость через месяц — беременная. Ну что делать? Уже и годки подошли, пора детишек заводить. «Наверно,

родить надо, время быстро пройдет, там и Витенька вернется, заживем как люди», — рассуждала Лиза. И оставила дитя. Родилась девочка, на родителей не похожая, Нюшенькой мать назвала. Бабка было кинулась бурчать — мол, сходила налево от Витьки. А Лиза все думала, на кого похожа дочка. В голове крутился образ, а вспомнить не могла. Стала собирать документы, чтобы свидетельство о рождении дочери получить, и наткнулась на конверт с материнскими бумажками. Ей их при выпуске из детдома отдали. Открыла, а там свидетельство о смерти матери и фотография. На фото сидит красивый мужчина с усами, хорошо одетый, на обратной стороне надпись: «Дорогой Настеньке, моему пушистому счастью», — и подпись: «Степан, 1917 год».

Лиза с трепетом вглядывалась в давно забытое лицо отца. Так вот на кого похожа ее дочка, на своего деда! Наконец Лиза не чувствовала себя одинокой. Она обрела корни, и теперь они будут всегда с ней.

Через полгода началась война. Витька загребли в штрафбат, где он и сгинул в первый же месяц боев. А Лиза теперь работала на заводе токарем, столовая закрылась. Нюшенька была дома с бабушкой, та в ней души не чаяла и находила радость и успокоение лишь в ней одной.

Бабка получила похоронку, когда Лизы дома не было. Ребенок раскричался так, что не унять. Она взяла Нюшу на руки и открыла письмо. Опомнилась на полу. В углу комнаты лежала девочка с перепачканным кровью лицом, заходившаяся от крика.

Силы и здоровье у старушки были уже не те. Нянчилась, недосыпала, сердечко пошаливало, вот и упала. Увидела кричащую Нюшеньку на полу, испугалась до ужаса. Схватила ребенка, умыла, кровь из носа кое-как остановила. Дала водички попить. Обессиленная от крика девочка, наконец, затихла.

Бабка ни жива ни мертва всмотрелась в личико ребенка и поняла, что дело плохо, носик ее распух и скривился набок. Старушка металась и не знала, что делать. Вот как мать вечером придет, что ей сказать, господи, помоги! Но на ее

счастье, а на Ньюшино несчастье мать пришла домой лишь на третьи сутки, упала без сил спать, даже не взглянув на дочь. Потом Лиза видела дочь всегда лишь ночью, когда приходила после смены, и сбитый на бок нос заметила только через месяц. Устроила допрос с пристрастием, побежала по врачам, но делать что-либо было уже поздно, хрящики срослись. На сбитом в сторону носу появилась горбинка, которая росла вместе с девочкой, уродуя ее.

Жили так же тяжело, как и все остальные. Знали, что надеяться могут лишь на себя самих. Так, работая с утра до ночи без выходных и проходных во имя победы и родины, они пережили годы войны. Лиза тянула лямку безропотно, веселой жизни у нее никогда и не было, поэтому и не мечтала о ней. Конечно, и ухажеры бывали, не без этого, дело молодое. Но в сравнение с Витьком не шли. Куда им! Он-то у нее герой был!

— Эй, молодка, подойди поближе, дай хоть воздухом бабьим надышаться, — шутили вояки, что на завод приезжали.

Куда там, от нее улыбки и в майский день не дождешься. Но где надо за себя постоять, горы своротит.

А дочка тоже не из бойких вышла. Мало того что тише воды ниже травы, так сидит себе в уголке копошится, и не видно ее, и не слышно. К концу войны Лиза принесла с работы несколько детских книжек, мастер отдала. В пригороде Минска бомба в дом прямоком угодила, осиротила навек женщину, лишила дочери и внуков. Теперь Ньюшенька не расставалась с книжками даже ночью, клала их на подушку и засыпала, бормоча сказку наизусть. Читать научилась быстро и бегло.

Но когда она пошла в школу, в этот дом интересных знаний, то получила столько унижения, что уже не смогла оправиться в течение всех школьных лет. «Кривоноска» — так стали обзывать девочку за искривленный нос, а потом и «Криворучка», потому что она, слыша насмешку, терялась и обычно роняла что-нибудь на пол. Ньюшенька замкнулась.

Когда ей исполнилось десять лет, мать засобиравшись замуж. К бабкиной соседке приехал внук на недельку из-под

Красноярска. Увидел ранним утром Лизу, выходящую из дома. Аж остолбенел, настолько красивой и необычной показалась ему эта женщина. Лиза действительно расцвела к тридцати годам, полная грудь, большие глаза с пушистыми ресницами, естественный румянец во всю щеку, заманчивые губы — как тут было устоять. Григорий год назад развелся со своей женой. Развод дался тяжело, и он перестал доверять всему женскому роду сразу. Его жена, как оказалось, тайком встречалась несколько лет со своей первой любовью, а муж и не догадывался. Дружок, ее одноклассник, вернулся домой в самом конце войны без одной ноги, жил на отшибе деревни с матерью. Знал, что подружка вышла замуж, разборок не устраивал. На что претендовать с его-то увечьем? Но оказалось, что любовь жива и никуда от нее не сбежишь даже на двух ногах. Начали встречаться, дальше — больше. Уже и по деревне слушок пошел, но мужья, как всегда, об измене узнают последними. Напился до чертиков Григорий, излупил сильно жену, а потом прогнал из дому в чем была. Детей они не нажили, слава богу. Не за что было браку зацепиться. На том его семейная жизнь и закончилась. Так, ходил иногда поночевать, тело разрядить, к буфетчице знакомой, но чтобы в ЗАГС — ни-ни!

Увидев же Лизу, Григорий сразу и навсегда решил жениться. Оказалось, что она немного старше его да еще и ребенка уже имеет большого. Не очень и расстроился: кто в койке года считает, и ребенок не помеха, еще и своих завести можно, нянька готовая уже есть. Лизе тоже приглянулся восторженный гость, мало она видела таких искренних чувств, всем бы только ухватить кусок послаще, а потом в кусты. Проходила она и это. Предложение приняла с радостью и без оглядки.

Только все не могли решить, где жить будут: то ли в Барнауле остаться, то ли дальше на Север податься. Обоим хотелось начать жизнь с чистого листа. Григорий вспомнил, что его приглашал к себе в гости однополчанин из Белово. Рассказывал, как у них там красиво и работу всегда можно найти. Там и шахта, и электростанция, и завод цинковый. На том и порешили. А тут еще как складно-то получилось.

Бабка Григория надумала им полдома отдать. Вот радость так радость! Они его продали и поехали счастье искать с денежками в кармане.

Обустроились на новом месте быстро — однополчанин помогал, как брату родному. Купили небольшой домишко, Нюшеньку в школу отдали и стали жить в ожидании своего ребеночка.

Нюшу и здесь сразу обозвали «Кривоноской». Счастливое ее детство так и не началось. Осталась она и без бабушки, которая единственная души в ней не чаяла и несла на сердце вину за уродство девочки до конца дней своих.

Лиза с Григорием устроились работать на завод. Работали тяжело и много, зарплаты хватало лишь на продукты. Но веры в светлое будущее не теряли. Однако прожили уже пять лет, а детей у них все еще не было. Григорий, раньше хорошо относившийся к Нюше, начал покрикивать и посматривать на нее странным взглядом. Той уже исполнилось 15 лет, и она была вполне сформировавшейся девушкой.

3. Нюша

Нюшенька жила своей собственной жизнью, своим внутренним миром, настроенным на музыку и пение. О ее увлечении никто не знал. Она боялась даже заикнуться, знала, что от насмешек уже не отмоется никогда. Мало ей было ужасных прозвищ «Кривоноска» и «Криворучка», так вообще засмеют. Куда, мол, с твоим рылом да в калашный ряд. Но вынужденное одиночество давало и много свободного времени. Она много читала о театре, оперном искусстве, знаменитых певцах. В городской библиотеке девочку хорошо знали и всегда старались помочь и показать ей новинки из музыкальной жизни. Нюша выучила ноты, нарисовала на обратной стороне старой афиши клавиши и разыгрывала этюды. Музыка звучала у нее в голове. У девочки был абсолютный слух.

К окончанию школы Нюша уже знала содержание всех известных опер, выучила несколько арий и романсов. Она верила, что наступит ее время, когда кто-то великий услышит ее голос и позовет петь в театр. А лицо... что ж лицо, можно и операцию сделать, были бы деньги. Она изучала биографии оперных певиц и знала, что одним из главных требований является именно природный голос, правильная постановка дыхания и большая работоспособность. Надеялась, что все эти качества у нее есть.

Их домик стоял на отшибе, поэтому после уроков Нюша могла петь дома вволюшку, слушать музыкальные радиопередачи и повторять за певцами арии.

В десятом классе на новогодний костюмированный бал в школе решила нарядиться феей. Так можно будет скрыть лицо под маской и спеть. Она знала, что будет конкурс на лучший костюм, который нужно будет защитить. Вот она и поет!

Нюша выпросила у матери старые тюлевые занавески и смастерила платье. Шить и кроить она умела хорошо, благо дома была старенькая швейная машинка. Мать бурчала частенько: «Ну хоть по миру не пойдешь, всегда на кусок хлеба заработаешь». Теперь нужно сделать красивые очки с плотной вуалью, чтобы не было видно носа. Вышло просто замечательно: выкроила из двух слоев ватмана очки, украсила их разбитой елочной игрушкой и приклеила бахрому из той же тюли. Еще и туфельки старенькие обшила белой тряпочкой и тоже наклеила блески. Получилась настоящая золушка или фея, что, впрочем, одно и то же. Еще и палочку волшебную не забыла, веточку обернула фольгой от конфет, которую заранее собирала, и ленточкой обвила.

Крутилась перед зеркалом, примеряла и радовалась, что у нее и руки красивые, и плечи как у дам из прошлого века. Теперь главное — не испугаться, когда настанет время петь. Нюша поставила себе задачу: суметь спеть профессионально перед теми, кто освистывал ее много лет, чтобы стать настоящей певицей. А если стушется — тогда хоть головой в прорубь, чего еще ждать от жизни с уродливым лицом.

Содержание

Певица.....	3
Подружки.....	53
Семь дней счастья.....	139
Там, за облаками.....	163
Мэгги.....	209
Голубой шарф.....	221
Тайна зеркала.....	227
Укатали сивку.....	233